

Заозерский Н. А.; Петровых И. С., студ.; Грибановский А. А., студ.;
Кречетович И. П., студ.; Волнин А. К., студ., Николин Н. П., студ.,
Введенский Д. И., студ., Сахаров И. А., студ. Слова и речи,
произнесённые при погребении А. П. Смирнова // Богословский
вестник 1897. Т. 1. № 1. С. 144–173 (2-я пагин.).

Слово профессора Н. А. Заозерскаго.

Имамы извѣстѣйшее пророческое слово, емуже внимающе, яко же свѣтилу сияюще въ темѣхъ мѣстѣ, добръ творите, лондеже дець озаритъ и денница возсияетъ въ сердцахъ вашихъ (2 Петр. I, 19).

Глубокая скорбь и мрачное уныніе невольнo овладѣвающее нами, братіе, при видѣ этогого гроба, вмѣщающаго лишь брениныя останки мужа, еще на дняхъ—твердаго духомъ даже предъ лицомъ смерти, къ нему приближавшейся,—наша скорбь и наше уныніе пусть найдутъ себѣ нѣкоторое врачеваніе, нѣкоторое какъ бы противодѣйствіе себѣ въ этихъ словахъ Первоверховнаго Апостола Христова. Самовидецъ Божественнаго величія велелѣбною славы Господа нашего Иисуса Христа съ великою похвалою относится къ тѣмъ, кто внимаетъ пророческому слову: *добре творите*—говоритъ онъ.

Зная жизнь почившаго и оставленные имъ труды, мы можемъ—вѣрю я—дерзновенно сказать: онъ уже удостоился сей великой похвалы Апостола Христова; ибо всю жизнь свою былъ однимъ изъ внимавшихъ пророческому слову.

По вниманіе пророческому слову—по мысли Апостола—дѣло не только достохвальное, но и плодоносное: ибо оно приводитъ изъ мрака духовнаго, какъ бы изъ темнаго мѣста, въ обитель Божественнаго свѣта исполняющаго сердце уже не земною радостію.

Мы—свидѣтели жизни почившаго должны сказать, что она за немногими свѣтлыми промежутками длилась какъ

почти непрерывная цѣпь страданій, незатуманивавшихъ только предъ взорами его красоту и радости Божьяго міра, а застилавшихъ его какъ бы мракомъ ночи; мы должны сказать, что почившій внималъ пророческому слову — не озаряемый и вдохновляемый красотой и радостями жизни, а устремлялся къ нему какъ свѣтильнику, только и свѣтившему ему въ темнотѣ уединенія и скорбей жизни, — темнотѣ, какъ бы въ нѣкоемъ удѣлѣ ему доставшемся какъ будто обдѣленному сыну милой и дорогой ему земли родной.

Мы должны припомнить, какъ лѣтъ уже 17-ть тому назадъ онъ молодой, счастливый семьянинъ, казалось прочно основавшій домъ свой, подвергся внезапно налетѣвшему на него такому страшному вихрю, который едва не спесь съ лица земли весь его домъ (Іов. I, 19): совершенно неожиданная смерть унесла изъ этого дома супругу его — мать малютокъ — дѣтей и отца ихъ повергла въ такую скорбь, для облегченія которой притокъ слезъ его собственныхъ малъ былъ ему.... Да, кто видѣлъ его тогда, тотъ, видя его, не могъ не вспомнить „пророка слезъ“, взываваго: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ? И плачуща день и ночь..... Кто дастъ мнѣ въ пустыни виталище послѣднее?* (Іерем. IX, 1—2).

Мы должны припомнить, что наступившая за тѣмъ жизнь съ сиротами — дѣтьми была удаленіемъ его въ пустыню: ибо хотя и жилъ онъ какъ будто среди насъ, по онъ не открывалъ намъ мукъ своей жизни, и разсѣянія слезныхъ тучъ своихъ искалъ не въ нашемъ сочувствіи, не въ суетныхъ развлеченіяхъ міра, рекомендуемыхъ въ подобномъ положеніи, а, крѣпко замкнувшись въ домѣ своемъ и отдавшись дѣтямъ, освѣщаль мракъ уединенія вниманіемъ пророческому слову.

Мы должны припомнить, что не далѣе какъ два года назадъ, мы были свидѣтелями скорби этого отца дѣтей — сиротъ, — скорби, изливавшейся уже не незрими только слезами, но и громкими воплями и рыданіями о потерѣ сына-первенца, такого сына, который, по нравственно-духовному развитію своему въ глазахъ всѣхъ, его знавшихъ, былъ красой нашего юношества. Но рыданія и вопли были какъ будто случайны, они слышались какъ послѣдствія ослабленнаго организма, начинавшаго уже оказывать непослу-

шаніе твердой волѣ этого убѣжденнаго христіанина: они скоро смолкли и дали мѣсто снова незримымъ слезамъ... Однакожь исхудалый и пораженный неизлечимымъ недугомъ видъ этого отца, опечаленнаго смертію сына, опять вызывалъ образъ пророка слезъ, взывавшаго: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ?...* *Понеже взыде смерть сквозь окна (мои) и ввиде (въ домъ мой) погубити (и) отрочата (моя)* (Иерем. IX, 21).

Эти незримыя слезы и этотъ роковой недугъ были тою—выражаясь образнымъ нашимъ народнымъ языкомъ—тою косою смерти, съ которою она къ нему приближалась съ неумолимою, хотя и медленною непреклонностью скосить его, и онъ палъ скошенный ею, какъ спѣлый колосъ, и вотъ теперь лежитъ предъ нами...

Много можно было бы повѣдать о незримомъ подвигѣ терпѣнія блаженно-почившаго брата нашего! Но боюсь я, зная его, уже не преступилъ ли я мѣры слова и тѣмъ. что о немъ повѣдалъ? Ибо какое право имѣю я, или другой кто оглашать словомъ то, что почившій претерпѣлъ до конца подъ непроницаемымъ для сторонняго покровомъ безмолвія?...

Нѣчто иное должно теперь предстать предметомъ слова; нѣчто такое, о чемъ не только умолчаніе, но даже и не исполнѣн внятное и не исполнѣн умѣлое оповѣщеніе уже преступно для того, кто дерзаетъ *посреди церкви* выступать со словомъ свидѣтельства о почившемъ. Это нѣчто именно и есть то вниманіе пророческому слову, о которомъ, какъ достохвальномъ дѣлѣ, говоритъ Первоверховный Апостолъ, которое составляетъ главнѣйшій подвигъ почившаго, и которое—думаю я—не только не желалъ и самъ почившій покрывать безмолвіемъ, а наоборотъ усердно желалъ оповѣститъ возможно многимъ,—оповѣститъ для подражанія ему въ этомъ подвигѣ.

Пришкнемъ же, братіе, не умомъ только но и сердцемъ, и даже болѣе сердцемъ нежели умомъ къ наставленію Апостола о вниманіи слову пророческому.

И мамы —говоритъ онъ *извѣстнѣйшее пророческое слово.*

Не просто — *пророческое*, но *извѣстнѣйшее* ¹⁾ т. е. никакому сомнѣнію не подлежащее, вѣриѣйшее, самое твердое, — то именно, которое произнесено было не мнимыми или мяншими себя пророками, а святыми, божіими людьми, произносившими его не своею волею, но движеніемъ Духа Святаго ²⁾. *Имамы* — говорить Апостоль: значить онъ одобряетъ вниманіе тому пророческому слову, которое уже тогда — 2000 лѣтъ тому назадъ предлежало какъ предметъ вниманія христіанъ, вниманія достохвальнаго. Какое же это слово? Какими святыми божіими людьми произнесено оно? — Кажется, объ этомъ и нужды нѣтъ входить въ изъясненіе здѣсь — въ этомъ храмѣ высшаго разсадника духовнаго свѣта.

Да, намъ извѣстно это *извѣстнѣйшее* пророческое слово; не можетъ оно быть не извѣстнымъ: ибо оно здѣсь возвѣщается и тщательно изучается....

Но въ такомъ случаѣ въ чемъ же достоинство вниманія ему? Въ чемъ же — не скажу — заслуга, а прямо — *подвигъ* усопшаго, когда вѣдь и мы всѣ *внимаемъ* этому пророческому слову?

Внимаемъ ли?!.....

Есть двоякаго рода вниманіе *слову* вообще: вниманіе однимъ *умомъ* — бозсердечное и вниманіе *умомъ* и *сердцемъ*. И то, и другое вниманіе пророческому слову глубоко различны и по существу, и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми сопровождается подвигъ вниманія. Ибо иное совершенно — только *внимать* пророческому слову т. е. *познавать* его, не прилагая однакожь сердца къ нему, и иное — *познавать* и *любить* его. Подлинное — *извѣстнѣйшее* пророческое слово содержитъ откровеніе истинной Божественной Воли и истиннаго Божественнаго закона, которыми освѣщается жизнь и дѣятельность отдѣльнаго человѣка, отдѣльныхъ народовъ и всего человѣческаго рода. Но что пользы, если я *только знаю* законъ, хотя бы и Божественный, но не прилагаю сердца къ нему, *не люблю* его? Польза нѣкоторая и въ томъ есть, конечно, если я только знаю законъ даже безъ любви къ нему — польза моя личная, питающая мое тщеславіе, какъ и всякое знаніе; — питающая мое самолюбіе,

1) Βεβαιότεροι τῶν προφητικῶν λόγων.

2) 2 Петр. XIX, 21.

какъ по праву превозносящееся въ кругу невѣждъ закона. Но плодоносно ли такое знаніе для меня лично и для тѣхъ, предъ кѣмъ я превозношусь имъ? Что пользы мнѣ, если я только хвалюсь предъ ними, какъ хвалится богатый богатствомъ своимъ предъ бѣдными, уничижающимся, озлобляемыми убожествомъ своимъ?! Веселитъ ли ихъ сердце богатство только хвалящагося предъ ними богатствомъ своимъ богатаго? Веселится ли и сердце богатаго видомъ бѣдныхъ и скорбныхъ отъ бѣдности своей? Не омрачаетъ ли оно ихъ скорбями, какъ омрачается и самое золото его сыростию и мракомъ подваловъ, въ которыхъ онъ тщательно скрываетъ его? А между тѣмъ—по Апостолу—плодь духовнаго богатства—вѣдѣнія Божественнаго закона есть миръ, любовь и радость *сердца*, предвкушающаго радость озаренія непосредственно-божественнаго свѣта: итакъ, есть ли плодь въ знаніи безсердечномъ? Иѣтъ его!

Напротивъ, тамъ — гдѣ познаваніе закона соединяется съ любовью къ нему, тамъ сердце познающаго улаживается радостію; хотя бы вѣшняя жизнь устремила противъ любящаго законъ Божественный все орудія, пронзающія сердце, онъ и тогда говоритъ съ пророкомъ: *скорби и нужды обрѣтѣша мя: заповѣди Твоя поученіе мое* (Ис. 118, ст. 143); *возраднуюся азъ о словесахъ Твоихъ, яко обрѣтаю корысть многу* (ст. 162); *возлюбихъ заповѣди Твоя паче злата и топазія* (ст. 127).

Не вѣшняя исторія древняго Израіля, среди котораго возвѣщалось извѣстнѣйшее пророческое слово, привязывала къ себѣ умъ и сердце почившаго. Не древности іудейскія, въ многоразличныя и оригинальныя формы государственнаго устройства, чередовавшіяся на протяженіи тысячелѣтняго существованія этой націи, не оригинальная ея культура, ея искусство, быть частный и общественный, не самыя даже политически превратныя судьбы ея, выступавшей то какъ бѣдный номадъ, то какъ цивилизованное государство, поражающее блескомъ культуры и богатства; то какъ представительница мощной силы, преклоняющая въ рабство себѣ сосѣдніе народы, то какъ несчастнѣйшій изжившійся народъ-плѣнникъ, съ позоромъ отводимый въ рабство побѣдителю, то какъ преданный истинному Богу—народъ-священникъ, то какъ гнуснѣйшая прелюбодѣйца — и

измѣница—жена, погрязавшая въ мерзостяхъ Ваала... не это все привлекало сердце почившаго, хотя и ко всему этому онъ долженъ былъ приложить умственные усилія свои по долгу званія своего. Привлекала всецѣло его умъ и сердце внутренняя сторона жизни этого народа,—*смыслъ* его исторіи, раскрытый святыми іудейскими пророками, истинными органами Духа Божія.

Въ той мѣрѣ какъ древній Израиль подъ вліяніемъ проповѣди своихъ пророковъ вступалъ на истинный путь своего призванія—исторія его получала *всемірное* значеніе и онъ выступалъ въ средѣ народовъ какъ священникъ—народъ, какъ избранный, возлюбленный Божій и смыслъ его исторіи получалъ общечеловѣческое, а не узко-національное значеніе.

Вдохновенныя рѣчи и гаданія этихъ пророковъ Іеговы, раскрывавшія глубокой смыслъ исторіи цѣлаго народа іудейскаго, даже глубокой смыслъ дѣяній лишь единицъ—дѣятелей среди него, раскрывали вмѣстѣ съ тѣмъ и глубочайшій смыслъ исторіи всего человѣчества и вотъ это-то пророческое слово и было *излюбленнымъ* предметомъ вниманія почившаго.

Оно было для него не только предметомъ знанія, но и глубокой *вѣры*. Оно было для него свѣточемъ въ разрѣшеніи задачи и смысла собственной личной жизни, критеріемъ для оцѣнки собственной дѣятельности; оно же было свѣточемъ и критеріемъ, съ которыми приступалъ онъ къ уясненію смысла и оцѣнкѣ дѣйствій другихъ.

Углубившись по долгу учительства въ созерцаніе судебъ древняго Израила, почившій оставался вѣрнѣйшимъ сыномъ своей родной земли, отдаваясь всѣмъ сердцемъ своимъ ея настоящему состоянію,—радуясь ея радостями и скорбя ея скорбями,—и съ этою же любовію относясь къ минувшимъ ея судьбамъ, и сослужить ей свою вѣрную службу, принесть ей цѣнную дань.

Какая эта служба и какая эта дань?

Не о служеніи учительскомъ въ этомъ высшемъ училищѣ Богословія будетъ теперь слово наше, хотя почившій отдавалъ ему свои силы до крайняго ихъ истощанія: ибо на

это служеніе онъ смотрѣлъ самъ, какъ на свой священный *долгъ*.

Наше слово прострется теперь къ его сверхъ-должной службѣ отечеству, проистекавшей изъ любви къ нему, службѣ добровольной.

Въ дань родной землѣ онъ принесъ плодъ своей просвѣщенной любви къ ней—свои литературныя произведенія. Они—цѣнная дань, цѣнная не по количеству, не по мимолетной занимательности, но по глубокой своей назидательности, по силѣ и ясности убѣжденія, по своеобразной строгой красотѣ рѣчи, исполненной выраженіями и образами пророческаго слова. Это должно сказать о тѣхъ именно произведеніяхъ почившаго, которыя имѣютъ своимъ предметомъ явленія отечественной жизни за послѣднюю четверть вѣка.

Исполняя долгъ службы, перенося въ уединеніи скорби личной жизни, почившій пристально присматривался къ явленіямъ отечественной жизни, прислушивался къ рѣчамъ лицъ выдававшихъ себя за руководителей современнаго общественнаго сознанія, едва не за пророковъ (вѣдь въ каждомъ народѣ есть, а иногда бываетъ даже и очоь много такихъ мнѣщихъ себя быть руководителями-пророками!) и отзывался, руководясь подлиннымъ пророческимъ словомъ, по поводу этихъ явленій и по поводу этихъ рѣчей или своимъ восторженно-радостнымъ привѣтствіемъ, или же негодованіемъ и осужденіемъ.

Два великія явленія отечественной жизни послѣдней четверти вѣка въ особенности привлекали къ себѣ вниманіе почившаго: первое изъ этихъ явленій — освобожденіе русскаго крестьянства отъ крѣпостной зависимости, — второе — усиленныя мѣры правительства и инициатива частныхъ лицъ и общества къ „просвѣщенію“ „освобожденнаго“, но „темнаго“ народа. Великая разногласица мнѣній, печатно выражаемыхъ по поводу этихъ явленій, служили для почившаго побужденіемъ высказать свой голосъ, звучавшій сколько тономъ искренней любви къ родинѣ и русскому народу, столько же и тономъ глубокаго убѣжденія. Великія и свѣтлыя имена Государей Александра II-го и Александра III-го, какъ вождей великаго народа, самоотверженно служившихъ благу его, мученическая кончина пер-

ваго и черная неблагодарность разных дѣятелей и цѣнителей всего дѣланія этого великаго Царя-освободителя народовъ; непониманіе того истиннаго свѣта, котораго ищеть чутьемъ своимъ нашъ освобожденный, но темный народъ со стороны разныхъ просвѣтителей народа и разъясненіе именно этого „народнаго“ исканія свѣта ¹⁾—все это было раскрываемо почившимъ со свойственною ему своеобразною красотою рѣчи, ясностію и глубиною искренняго убѣжденія.

Въ чемъ же заключается эта своеобразность произведеній почившаго, сообщающая имъ великую цѣнность? Разрѣшеніе этого вопроса стоитъ въ связи съ разрѣшеніемъ другаго: въ чемъ самъ онъ находилъ опору для своего убѣжденія, — и гдѣ искалъ свѣта для истиннаго уразумѣнія смысла явленій жизни и руководства для сужденія о достоинствѣ общественныхъ дѣятелей? А на этотъ вопросъ отвѣчать не трудно: все это онъ находилъ, проникая и вникая въ смыслъ исторіи народа Божія подъ руководствомъ истиннаго пророческаго слова. Вникая въ смыслъ явленій жизни этого народа и въ оцѣнку дѣятельности разныхъ вождей и руководителей его, то отвѣчавшихъ, то противорѣчившихъ Божественному призыванію и назначенію народа Божія, почившій освѣщалъ этимъ свѣтомъ пророческаго слова явленія и дѣятелей отечественной жизни, *сопоставля* ихъ, какъ сходныя и сродныя, а иногда и прямо заимствуя для вторыхъ образы ветхозавѣтныхъ явленій и лицъ. А когда путемъ такого сопоставленія явленій настоящаго съ явленіями давно минувшаго обнаруживалась со всею ясностію серьезность первыхъ: тогда некрепно-патріотическая любовь вдохновляла рѣчь его до высоты молитвеннаго обращенія къ Богу за любимымъ родной народъ: „Уже замѣчено — писалъ онъ по поводу приближавшагося новаго (1891) года—и сознано нами, что лозу виноградную въ теченіе немалого времени обрывали всѣ, проходящіе по пути, кому только хотѣлось: лѣсной вѣврь надрывалъ ее и полевой звѣрь объѣдалъ ее. Замѣчено и со-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи высокій интересъ представляетъ трактатъ почившаго подъ заглавіемъ *Темные люди и ихъ просвѣтители* М. 1891. По моему мнѣнію этотъ трактатъ долженъ быть въ библіотекѣ каждой народной школы не только ц.-приходской, но и земской, и министерской.

знано, что послѣ того, какъ лисицами разрушены ограды, осталось много мусора и виноградникъ оказался подоженнымъ огнемъ, обсѣченнымъ. Естественъ послѣ этого призывной голосъ: вы видите бѣдствіе, въ какомъ мы находимся... Пойдемъ, построимъ стѣну! Благовременна и молитва къ Богу силъ: призри съ неба и воззри, и посѣти виноградъ сей; охрани то, что насадила десница Твоя и отрасли, которыя Ты укрѣпилъ Себѣ (Пс. 74, 13—17). Съ восходомъ солнца новаго года, когда выходитъ чело-вѣкъ на дѣло свое и на работу свою до вечера (Пс. 103, 22. 23) да взойдетъ къ Солнцу правды и наша пламенная молитва: ублажи Господи благоволеніемъ Твоимъ Сіона и да созиждутся стѣны Іерусалимскія (Пс. 50, 20)¹⁾.

Такова цѣнная дань твоя, блаженно почившій братъ нашъ, родной землѣ! Таково молитвенное твое обращеніе о ней къ Солнцу правды!

Да возсіяетъ же и тебѣ невечерній свѣтъ Христовъ присѣщеніемъ Лица Божія въ обителяхъ Отца Небеснаго! И да будетъ тебѣ вѣчная память въ родной землѣ, особенно въ сердцахъ тѣхъ, кто послѣдуетъ тобою указанному и пройденному пути служенія долгу и родной землѣ при свѣтѣ истиннаго пророческаго слова. Аминь.

Рѣчь студента 2-го курса И. С. Петровыхъ.

Посмотрите, посмотрите на это исхудалое, бездыханное тѣло!.. Посмотрите на этотъ гробъ—вмѣстилище бранныхъ останковъ угасшаго свѣтильника науки!.. *Это ли* — все, что осталось отъ всѣми уважаемаго, всѣми почитаемаго и любимаго раба Божія Андрея!? Въ *этомъ ли*—весь покой неутомимаго труженика въ томъ званіи, съ которымъ едва ли равняться можетъ еще другое какое, соединяя — въ одно и то же время—такую же скромность и такую досто-почтенность, такую же тяжесть и такую плодотворность, такую же непритязательность, но и такое широкое, непреходящее никогда, значеніе!?..

Нѣтъ!.. Слишкомъ безотраднa и горька была бы жизнь, если бы все въ ней этимъ только и кончалось!.. Большимъ

¹⁾ Трктать подъ заглавіемъ: *Вашня желаній*, стр. 15.

безуміемъ было бы жить, если бы послѣднимъ актомъ этой жизни, послѣднимъ ея явленіемъ былъ лишь гробъ!..

Итакъ, не все кончилось!.. Не въ этомъ—покой твой,— мало сказать, труженикъ, но: — *страдалецъ* священной науки! Твоя жизнь погасла здѣсь, но — возгласъ въ новомъ, намъ невѣдомомъ мірѣ, звуковъ котораго не только „замѣнить“, но и хоть сколько нибудь *приблизить* къ нашему понятію не могутъ „скучныя пѣсни земли!“.. Слово священной науки замерло на твоихъ устахъ, но воскресаетъ и не исчезнетъ у насъ въ сердцахъ! Безмолвствуетъ твоя любовь къ близкимъ и знаемымъ, тебя окружающимъ, но это грустное безмолвіе тѣмъ сильнѣе трогаетъ и заставляетъ говорить нашу любовь! Ты недвижимъ, Ты—бессиленъ, но не престаешь воздвигать насъ на усиленные выраженія всеобщей къ тебѣ любви и уваженія! Вотъ навсегда скроются скоро отъ нашихъ взоровъ и самые останки твои, но никогда не изгладится безслѣдно образъ твой, и молитвенная о тебѣ память въ нашихъ признательныхъ сердцахъ!..

Не возьму назадъ своего слова, назвавъ тебя не только „труженикомъ“, но и „страдальцемъ“, науки!.. Многіе и изъ успѣвшихъ пресытятся жизнію, „аще и въ силахъ“ всего живутъ на землѣ не болѣе, — или развѣ немногимъ только болѣе того числа лѣтъ, въ теченіи которыхъ ты, жертвовалъ неутомимому служенію науки всѣ свои силы и здоровье! Кто бы не оцѣнилъ по достоинству все благородство и возвышенность этой жертвы, видя, какъ доблестный труженикъ науки, едва преодолевая тягчайшій недугъ, но не *любовью* къ ней, до послѣдней возможности неопустительно несетъ скромную ей службу, отказывая себѣ даже въ необходимомъ покоѣ!? Отъ всей души цѣнимъ и мы, — второй курсъ, — столь благородную и возвышенную жертву твою, высокоуважаемый Андрей Петровичъ! Если для кого, то для *насъ* именно болѣе всего и должна быть дорога и цѣнна эта жертва, потому что мы — уже, къ сожалѣнію, послѣдніе твои слушатели, которымъ и были посвящены послѣднія же слабыя вспышки твоихъ догоравшихъ силъ, послѣдніе остатки твоего таявшаго и развѣдаемаго мучительнымъ недугомъ здоровья!..

Да будутъ же съ праведными покой тобой, нашъ *Благо-*

дѣтель! Удержусь отъ дальнѣйшихъ, — томительно-многословныхъ и менѣе всего тебѣ теперь нужныхъ, — похвалъ твоему любомудрію! Лишь еще разъ хочу дать волю выраженіямъ нашей признательности, которая не съ насиліемъ заставила и еще разъ заставляетъ наименовать тебя нашимъ „Благодѣтелемъ!“ Пусть въ этомъ наименованіи увидятъ и достойную оцѣнку твоего благоплоднаго служенія, и достойную похвалу твоего имени — почтеніе твоей памяти, и достойнѣйшее, наконецъ, выраженіе глубокихъ чувствъ нашей признательности къ тебѣ за твои труды и заботы въ дѣлѣ нашего просвѣщенія!..

Твоя жизнь была служеніемъ не просто наукѣ, но наукѣ, особенно близкой и дорогой, особенно священной сердцу нашему и сердцу всякаго христіанина! Въ строго православноиъ и строго благочестивомъ духѣ ты раскрывалъ намъ исторію царства Божія на землѣ, исторію возвращенія и водворенія человѣка на небо! Да водворитъ же и тебя Господь-Праведный Судія въ этомъ вождѣльномъ отечествѣ нашемъ, и да упокоитъ въ пѣдрахъ праведныхъ — Авраама. Исаака и Иакова и другихъ святыхъ мужей, близко соприкосновенныхъ дорогой твоему сердцу до гроба — священной наукѣ! Уже не „зеркаломъ въ гаданіи“, но въримъ — „лицемъ къ лицу“ увидишь и познаешь ихъ!

Вотъ — желательная для всѣхъ твоя кончина! Вотъ — вождѣльный для всякаго покой твой послѣ настоящей, многотрудной и многострадальной жизни!.. Вѣчная тебѣ память!..

Рѣчь студента 4-го курса А. А. Грибановскаго.

Люди всегда были поверхностны въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ личностей; они требуютъ отъ послѣднихъ громкихъ подвиговъ и недюжинныхъ талантовъ; они ищутъ шума, который бы оглушалъ ихъ, блеска, который бы ослѣплялъ ихъ; они преклоняются лишь предъ значениыми учеными, художниками, философами, поэтами, изобрѣтателями, полководцами и героями; но они мало обращаютъ вниманія на тѣхъ скромныхъ тружениковъ, безвѣстныхъ дѣателей, которые въ тиши работаютъ на избранномъ ими поприщѣ, отдаютъ ему всѣ свои силы, всю свою жизнь и не хотятъ

знать викакой другой награды, кромѣ сознанія исполненнаго долга. А между тѣмъ въ общемъ строѣ жизни эти послѣдніе такъ же необходимы, какъ и первые. Можно сказать даже болѣе: на нихъ-то собственно и опирается міръ; они-то, именно, опредѣляютъ ходъ и направленіе его жизни подобно тому, какъ маленькія и незамѣтныя колеса часто управляютъ движеніемъ большой и сложной машины.

Да не оскорбится твоя память, досточтимый наставникъ, если я причислю тебя къ людямъ этой второй категоріи! Со вѣѣ въ твоей жизни не было ничего необыкновеннаго: на твою долю не выпало сдѣлать новыя открытія въ наукѣ; ты не оставилъ послѣ себѣ многотомныхъ трудовъ—этихъ живыхъ памятниковъ для ученыхъ; твои аудиторіи не были переполнены слушателями, боявшимися проронить каждое твое слово; но тѣмъ не менѣе, когда тебя не стало, мы сразу почувствовали невознаградимую утрату, незаполнимый пробѣлъ и пустоту. Въ чемъ же заключаются твои заслуги и твое значеніе для насъ? Въ тѣхъ скрытыхъ внутреннихъ достоинствахъ, въ тѣхъ незримыхъ добродѣтеляхъ, которыя составляютъ истинное украшеніе каждаго ученаго и которыя нашли свое полное воплощеніе въ твоей личности. Эти добродѣтели—безукоризненная честность и скромность. Да, честность и скромность—вотъ что заставляло многихъ преклоняться предъ тобою при жизни и что соединило насъ всѣхъ въ чувствѣ безутѣшной скорби послѣ твоей смерти! Въ настоящую минуту, когда мы стоимъ предъ твоимъ гробомъ, предъ нами невольно возстаетъ твой образъ, полный какого-то торжественнаго величія и невольно вызываетъ въ нашей памяти другіе великіе образы Голубинскихъ, Горскихъ, Кудрявцевыхъ, которымъ ты былъ такъ близокъ по духу. Взявши на себя высокое званіе профессора, ты всю жизнь служилъ ему свято. Ты болѣе, чѣмъ кто-либо, сознавалъ всю отвѣтственность твоего поста. Ты зналъ, что на тебя устремлены тысячи глазъ, что каждый твой поступокъ, каждое твое слово оразится въ сотняхъ молодыхъ сердецъ и произведетъ вліяніе на ихъ характеръ и міросозерцаніе. И вотъ, чтобы быть достойнымъ наставникомъ и руководителемъ юношества, ты постарался прежде всего выработать себѣ правильные и ясныя взгляды на вещи. Выработавъ ихъ, ты уже не отступалъ

отъ нихъ во всю жизнь. Такъ называемое приспособленіе къ средѣ было чуждо тебѣ. Ты всегда и вездѣ былъ одинъ и тотъ же. Это всѣ знали и цѣнили въ тебѣ. Тотъ же высокій взглядъ на свое званіе заставлялъ тебя всегда съ строгою серьезностью относиться къ твоимъ непосредственнымъ обязанностямъ — обязанностямъ учителя. Аудиторія была для тебя святилищемъ, кафедрой — истиннымъ научнымъ трибуналомъ. Посѣщая твои лекціи на самыхъ первыхъ порахъ по поступленіи въ академію, когда мы такъ глубоко благоговѣли предъ профессорами и каждую высказанную ими мысль считали чуть не за откровеніе свыше, мы никогда не слышали изъ твоихъ устъ ни одного легкомысленнаго слова, разсчитаннаго на эффектъ; мы слышали лишь голосъ науки серьезный, правдивый и искренній. Всегда глубокомысленныя и тщательно отдѣланныя, полныя здравой критики и красивыхъ образовъ, твои чтенія производили неизгладимое впечатлѣніе и могли быть названы образцовыми.

Насаждая, такимъ образомъ, чистыя сѣмена науки въ умахъ юношества, ты хотѣлъ въ тоже время служить послѣдней и печатнымъ словомъ. Къ сожалѣнію, ты не могъ здѣсь сдѣлать многого... Житейское море, которое ты переплылъ, рѣдко бывало спокойно. Тяжелыя семейныя несчастія часто заставляли тебя оставлять перо, которое ты, можетъ быть, готовъ былъ бы не выпускать изъ рукъ. Но за то то небольшое литературное наслѣдіе, которое осталось послѣ тебя, по истинѣ драгоцѣнно. Твои произведенія одинаково прекрасны со внѣ, какъ и извнутри. Глубина содержанія и искренность тона въ нихъ вполне соотвѣтствуютъ ясности изложенія и изяществу стиля. Предъявляя къ писателю самыя строгія требованія, ты взвѣшивалъ каждое слово и ввѣрялъ печатному станку лишь самое чистое, отборное зерно. Но дѣя пась твои сочиненія дороги еще и потому, что они вскрываютъ твое глубокое ученое смиреніе. Ты не хотѣлъ обозначить подъ ними даже своего имени. Ты не хотѣлъ передать потомству ничего, кромѣ тѣхъ истинъ, которыя тебѣ удалось открыть или освѣтить. Погоню за суетною славой ты считалъ недостойной истиннаго ученаго. Сидя въ твоёмъ кабинетѣ, ты не мечталъ ни о рукотворныхъ ни о неорукотворныхъ памятникахъ. Одинъ

только свѣтлый ликъ истины сіялъ предъ тобою, и сознание, что ты служишь этой послѣдней, вливало въ тебя энергію и наполняло твое сердце чистыми восторгами.

Такъ, дорогой наставникъ, не совершивъ, повидимому, ничего блестящаго и славнаго, ты однако не прошелъ свой жизненный путь безслѣдно. Ты многому научилъ насъ своимъ примѣромъ. Ты оставилъ намъ великіе завѣты, и какъ ученый, и какъ человѣкъ. И мы не забудемъ этихъ завѣтовъ, мы будемъ осуществлять ихъ въ своей жизни, мы передадимъ ихъ своимъ потомкамъ. Такимъ образомъ, ты не умрешь весь для земли: высокія правила, которымъ ты слѣдовалъ въ своей жизни, переживуть тебя; они пройдутъ чрезъ нѣсколько вѣковъ и поколѣній и принесутъ свою долю въ сокровищницу блага, накаплиаемаго человѣчествомъ. Твое имя не перейдетъ славнымъ въ исторію, но въ нее перейдутъ твои дѣла, твои мысли, твой духъ и будутъ жить въ ней вѣчно.

РѢчь студента 4-го курса І. П. Кречетовича.

Почившій профессоръ, разсуждая въ своей послѣдней печатной статьѣ о погребеніи іудейскихъ царей Іосіи и Іоакима, говорилъ слѣдующее: „Судь человѣческій въ большей или меньшей мѣрѣ пристрастенъ: и много осуждаютъ и много оправдываютъ подъ вліяніемъ подавляющаго, часто условнаго впечатлѣнія. Не то-же ли должны мы подразумевать, когда читаемъ сказанія о похоронахъ Іосіи и Іоакима“¹⁾? Изъ этихъ словъ почившаго можно заключать, что онъ также отнесся бы и ко всѣмъ рѣчамъ, произносимымъ у его гроба; можно думать, что онъ, еслибы могъ, постарался бы отклонить ихъ. И быть можетъ наши рѣчи, хотя и внушаемыя намъ долгомъ признательности къ своему профессору и чувствомъ глубокаго уваженія къ нему, не согласуются съ его всѣмъ извѣстной скромностью и смиреніемъ? Быть можетъ у этого гроба надо только молиться и молиться, а не говорить рѣчей въ похвалу почившаго?..

¹⁾ „Богословскій Вѣстникъ“ 1896 г. январь. „Сроки скорби и намяти объ“

Прилична болѣе молитва, но необходимо и слово. Имѣеть и оно свое глубокое основаніе.—Въ упомянутой статьѣ говорится далѣе, что „правда — разъ она бываетъ высказана — остается жить, не смотря ни на какія попытки уничтожить ее“ ¹⁾. Почившій, самъ—человѣкъ въ высшей степени прямой и правдивый, былъ истиннымъ провозвѣстникомъ правды. Онъ часто говоритъ о ней и въ печати, научая отличать истину отъ лжи, правду отъ неправды. Высказанная имъ правда о тѣхъ или иныхъ явленіяхъ нашей общественной жизни никогда не умретъ. Она будетъ жить дотолѣ, доколѣ живы будутъ благочестивые любители душеполезнаго чтенія. Судъ объ этой правдѣ составился не подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія, составился за много лѣтъ до настоящаго времени; былъ не разъ послѣ провѣренъ и испытанъ; въ немъ нѣтъ ничего фальшиваго, неискренняго, ложнаго. Высказывать его — говорить правду почившаго. Онъ же никогда не былъ противникомъ правды, будучи ея носителемъ. И то, что хотимъ сказать мы, будетъ не наше слово. Нашими устами будетъ говорить литературно-публицистическая дѣятельность почившаго.

На современной литературно-богословской нивѣ сочиненія почившаго профессора (разумѣю преимущественно его статьи библейско-публицистическаго характера) цвѣли пышнымъ цвѣткомъ, служили однимъ изъ ея лучшихъ украшеній. Среди безжизненныхъ, а часто и весьма чахлахъ растений, сплошь и рядомъ прозябающихъ на этой нивѣ, сочиненія покойнаго представляютъ одно изъ пріятнѣйшихъ и къ тому же оригинальнѣйшихъ исключеній. Въ нихъ нѣтъ той сухости и отвлеченности изложенія, которая запугиваетъ читателя. Они говорятъ человѣку живымъ, близкимъ его сердцу языкомъ, привлекаютъ къ себѣ глубиною чисто-библейскихъ образовъ, поражаютъ величественностью сравненій и параллелей. Но самое важное и неопѣнимое ихъ качество — жизненность. Они — самая жизнь, для которой указанъ истинный смыслъ по суду слова Божія. Не обинуясь можно сказать, что въ нихъ авторъ подобенъ древнему пророку, дающему оцѣнку того или иного явленія изъ современной жизни и произносящему свое вѣщее слово объ

¹⁾ Ibid. 78.

этой послѣдней. Рѣдкій, смѣю сказать: исключительный знатокъ Библии—почившій былъ всецѣло проникнутъ библейскимъ духомъ и всегда отзывался своей пророчески-вдохновенной рѣчью на всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя явленія нашей государственной, общественной и культурной жизни, на всѣ господствующія теченія современной мысли. И тѣ и другія находили въ немъ своего вѣрнаго цѣнителя и лучшаго истолкователя. Приведу нѣсколько примѣровъ. По случаю мученической кончины Царя-Освободителя (1 Марта 1881 года) изъ-подъ пера Андрея Петровича изливается весьма трогательная „Плачевная пѣснь“ ¹⁾). Продѣлки революціонной партіи даютъ почившему поводъ сказать свое вѣское слово о такъ называемой „Народной волѣ“ ²⁾). На голодъ въ Черногоріи (1889 г.) онъ отзывался своей сочувственной статьей: „Мольба Моавитянки Руфи“ ³⁾). Открывается въ Парижѣ всемірная выставка съ своей знаменитой Эйфелевой башней,—почившій библейски освѣщаетъ и это явленію культурно-промышленной жизни современнаго человѣчества, и пишетъ „Три завѣщанія“ ⁴⁾). Оповѣщается читающему міру о звѣрскомъ поступкѣ Скублинской,—онъ и объ этомъ произноситъ свой приговоръ въ статьѣ: „Рахиль и дѣти“ ⁵⁾. Слово правды о голодѣ въ Россіи высказано въ статьѣ: „Спорительница хлѣбовъ“ ⁶⁾). Постигаетъ Россію холера, усопшій пишетъ статью по поводу холерныхъ мѣропріятій ⁷⁾). Появляются въ нашемъ отечествѣ дерзкіе ругатели св. тайнства брака, обозначаются въ политическомъ міросозерцаніи современнаго общества теченія мысли, клонящіяся къ разрушенію основъ государственной жизни,—тѣхъ и другихъ онъ поражаетъ своей пламенной рѣчью. Прочтите его статью: „У пламеннаго костра“ ⁸⁾). Указывалъ онъ также недостатки въ воспитаніи дѣтей, давалъ надлежащія вразумленія и современной

1) „Дух. Чит.“ 1881 г. апр.

2) „Правосл. Обзор“, 1883 г. май.

3) „Дух. Чит.“ 1890 г. мартъ.

4) „Дух. Чит.“ 1890 г. янв.

5) Ibid. дек.

6) „Дух. Чит.“ 1892 г. янв.

7) Ibid. сент.

8) „Дух. Чит.“ 1890 г. сент.

кичливой учености. Я имѣю въ виду слѣдующія статьи: „Легкомысленная игра и кощунственная оргія ¹⁾“ и „Мужъ высокой учености Фотинъ и протестъ Серапіонъ“ ²⁾. Но всего не перечестъ.. Скажу только одно, что въ лицѣ почившаго богословская наука теряетъ одного изъ лучшихъ своихъ представителей, который неліцемѣрно выполнялъ жизненную задачу этой высшей отрасли вѣдѣнія. Въ лицѣ Андрея Петровича сходитъ въ могилу крупная ученая сила, которая наилучшимъ образомъ разрѣшала общественную задачу богословія. Статьи почившаго въ средѣ благочестивыхъ читателей духовныхъ журналовъ не проходили незамѣченными. Ихъ читали, ими восхищались, у нихъ поучались. Общественно-нравственная заслуга почившаго несомнѣнна. И было бы несправедливо умолчать о ней въ эти скорбные часы. Не стану говорить о другихъ родахъ дѣятельности покойнаго. Объ этомъ говорили и еще скажутъ другіе. Скажу только еще о томъ, что какъ это, такъ и всякое другое свое дѣло покойный совершалъ съ глубочайшимъ смиреніемъ и полнымъ безкорыстіемъ. Онъ не кичился ни своимъ умомъ, ни своей ученостью, всегда ставя себя ниже того, чѣмъ онъ былъ на дѣлѣ. Никогда также онъ не дѣлалъ своей науки и своихъ познаній предметомъ торгашества. Избѣгая суетной славы человѣческой, онъ обычно не подписывался подъ своими статьями. И случалось то, что многіе, знавшіе и читавшіе его статьи, не знали ихъ автора. Но тѣ, которые его знали, всегда глубоко почитали и цѣнили. Велико вообще было уваженіе къ Андрею Петровичу отъ всѣхъ знавшихъ его. Въ немъ всегда видѣли носителя завѣтнѣйшихъ традицій академіи, лучшаго воплотителя ея духа..

И вотъ одни бранные останки его предъ нами; да и тѣ могила скоро скроетъ отъ взоровъ нашихъ. Мы потеряли сокровищницу библейски-вдохновенной мудрости. Предъ нами трупъ, въ которомъ для живаго человѣка нѣтъ уже человѣка. „Сердце ищетъ настойчиво: гдѣ же онъ—этотъ человѣкъ, что простерся трупомъ? Гробъ не даетъ отвѣта. Раз-

1) „Душ. Чт.“. 1892 г. апр.

2) „Душ. Чт.“. 1890 г. апр.

гадать тайну смерти при всѣхъ своихъ усиліяхъ безсиленъ человекъ“. ¹⁾ Тѣмъ естественнѣе и тѣмъ глубже скорбь о почившемъ, тѣмъ живѣе и чувствительнѣе незамѣнимость утраты богослова — публициста. Не будемъ однако безнадежно скорбѣть о немъ, подобно неимущимъ упованія (1 Сол. 4, 13). Послушаемъ самого почившаго, который говорилъ въ своей послѣдней статьѣ, что „тихой теплой молитвой мы можемъ замѣнить ветхозавѣтныя пѣсни и рыданія“ ²⁾. Горячо примемъ къ сердцу это, можно сказать, прощальное завѣщаніе умершаго и усердно помолимся о упокоеніи его въ селеніяхъ праведныхъ. Помолимся о томъ, чтобы блаженъ былъ тотъ путь, на который вступилъ нынѣ почившій, и чтобы концомъ этого пути былъ вождѣнный гласъ небеснаго Владыки: „рабе благій и вѣрный! вниди въ радость Господа твоего“ (Матѣ. 25, 21). — Утѣшимся и въ скорби своей о тяжелой утратѣ учителя — писателя. Онъ не зарылъ въ землю данный ему Богомъ талантъ, съ любовію возрастилъ въ себѣ сѣмя слова Божія. Послѣднее явило въ немъ плодъ многъ. Такимъ образомъ онъ не всецѣло ушелъ отъ насъ. Съ нами остались тѣ печатные труды, въ которыхъ содержатся его думы и чувства, его убѣжденія и наставленія. Мы можемъ питаться отъ нихъ и находить для себя не малую духовную пользу и утѣшеніе. И самымъ лучшимъ выраженіемъ нашего почтенія къ памяти почившаго будетъ усвоеніе его твореній, проникновеніе его идеалами, слѣдованіе его завѣтамъ. Аминь.

Рѣчь студента 4-го курса А. К. Волнина.

Миръ праху твоему,
наставникъ-страдалецъ!

Вотъ ты и у тихой пристани! Безмятежнымъ сномъ завершилась твоя земная подвижническая жизнь. Только въ гробѣ суждено было найти тебѣ покой, къ которому при жизни тебѣ пришлось лишь стремиться, ибо она слагалась

¹⁾ „Дух. Чит“. 1880 г. февр. „Записанный день“ (статья А. П. Смирнова стр. 205.

²⁾ „Бог. Вѣстн“. 1896 г. янв., стр. 83.

для тебя такъ печально, такъ тяжело, какъ рѣдко для кого слагается. Свѣтлые дни выпадали въ ней такъ же часто, какъ часто солнышко показывается на осеннемъ, задернутомъ густыми облаками, небѣ. Смерть безжалостно похищаетъ у тебя самыхъ дорогихъ и любезныхъ твоему сердцу лицъ. Семейныя горя давно согнали съ лица твоего улыбку радости, давно засушили твое тѣло; они, думается, вѣдрили въ немъ и тотъ недугъ, отъ котораго ты сошелъ въ могилу. Вмѣстѣ съ тѣломъ сугубо страдалъ и твой духъ. Можно представить, какъ тяжело было тебѣ нести обязанности профессора, при терзаніи твоего сердца семейными потерями, при упадкѣ тѣлесныхъ силъ. Трудъ профессора и при добромъ здоровьѣ духа и тѣла не легокъ... Можно представить, какъ тяжело было тебѣ оставить службу въ родной Академіи, которую ты любилъ, и, живя вблизи ея, все же чувствовать, что самъ ты уже не тотъ близкій и непосредственный членъ академической семьи, какимъ былъ прежде. Но порадуйся духомъ изъ-за своего гроба: академическая семья вся около тебя, она провожаетъ тебя, какъ своего, родного человѣка, вовсе и не отлучавшагося отъ нея. Она собралась отдать тебѣ свой глубокой поклонъ за твои труды, подъятыя тобою для нея, за явленные въ нихъ тобою добродѣтели, дарованія и познанія.

Намъ дорога твоя любовь къ Академіи. Тридцать лѣтъ ты дышалъ одной съ нею жизнью. Нашъ храмъ, въ которомъ мы видимъ тебя въ послѣдній разъ и —увы!— въ такомъ печальномъ видѣ, — имѣлъ въ тебѣ своего постоянного богомольца. Среди присутствующихъ здѣсь есть свидѣтель твоей невыразимо-глубокой скорби въ одинъ изъ свѣтлыхъ праздниковъ, который по болѣзни ты не могъ встрѣтить въ академической семьѣ: „всегда былъ въ этотъ день за академической службой, — тяжело оставаться дома“ — говорилъ ты; и слова любви твоей тронули насъ. — Это не тайна, что ты со студенческихъ лѣтъ велъ дневникъ своей и академической жизни: страницы изъ этого дневника ты по временамъ, съ назидательной цѣлью, предавалъ гласности и печатно и устно; печатно, напр. о рабѣ Божиѣмъ протоіерѣѣ Александрѣ ¹⁾), — устно, на лекціи, — о рабѣ Бо-

¹⁾ Горькомъ. См. „Душег. Чт.“. 1891 г., октябрь.

жюемъ Викторѣ ¹⁾). О нихъ, этихъ дорогихъ Академіи лицахъ—ты умѣлъ говорить тепло, къ сердцу читателей и слушателей, увлекаая ихъ свѣтлымъ обликомъ двухъ великихъ людей и ученыхъ, живо воскресавшимъ подъ твоимъ перомъ. Такъ внимателенъ былъ ты къ родной тебѣ Академіи и ея дѣятелямъ! Но этого мало: свои силы ты щедро удѣлялъ еще на дѣло религіозно-нравственнаго просвѣщенія нашего общества, служить которому призвана наша alma mater. Ты чутокъ къ этому ся призванію и съ любовью отдался ему. Твои библейско-историческія и нравоучительныя статьи разсѣяны во множествѣ и по многимъ нашимъ духовнымъ журналамъ. Въ нихъ ты просвѣщаешь читателей свѣтомъ вѣры, знаній и доброй нравственности, сорадуешься имъ въ дни общей народной радости, соскорбишь въ години испытаній, будишь чувство преданности Богу и Царю. — Самъ трудясь, ты и отъ своихъ студентовъ требовалъ труда же. Иногда тяжело нами чувствовалась твоя требовательность; но дорога была и есть въ ней твоя вѣра въ насъ—въ благородство нашихъ стремленій, въ нашу способность къ труду. Ты былъ требователенъ къ студентамъ и любилъ студенчество, для блага котораго—мы знаемъ—жертвовалъ многимъ своимъ.

Такъ, ты не допустилъ печалямъ убить въ тебѣ „живую душу“, не палъ духомъ,—и жизнь твоя, и труды твои показываютъ, какимъ орудіемъ ты спасъ себя отъ унынія. Это орудіе — твоя христіанская бдительность надъ собою. Ты былъ вѣрующій христіанинъ. Изъ публицистическихъ статей твоихъ видно, что предъ сознаніемъ твоимъ всегда какъ живые стояли величественные образы библейскихъ мужей; на ихъ личностяхъ ты съ любовью останавливалъ свое и другихъ вниманіе; у нихъ бралъ уроки вѣры, смиренія, терпѣнія, мужества, трудолюбія, правдиваго и честнаго отношенія къ людямъ и дѣлу; въ духѣ и силѣ писаній ихъ ты говорилъ и писалъ. Этими чертами такъ рѣзко характеризовалась твоя личность, что, выражаясь на языкѣ св. отца (Амвросія Медиоланскаго), при одномъ уже приближеніи къ тебѣ чувствовалось, какого духа ты чело-вѣкъ. Удивительна и привлекательна твоя скромность. Ты

1) Кухрянецъ.

почти не ставилъ своего авторскаго имени подъ своими произведеніями. Развѣ нѣтъ въ нихъ того, чѣмъ могло бы питаться авторское самолюбіе, что могло бы производить впечатлѣніе на читателей? Но мы знаемъ лицъ, которыя зачитывались этими произведеніями; знаемъ такихъ, на которыхъ произведенія скромнаго автора рѣшающимъ образомъ повліяли на выборъ нашей Академіи для продолженія въ ней своего образованія. Твои произведенія, почившій, плодъ даровитаго ума, серьезной и пронизательной мысли. Тотъ, кто внимательно слушалъ твои лекціи, находилъ ихъ интересными и содержательными — остроумно, научно и полно отображавшими характеры библейскихъ лицъ, событій и эпохъ. Ты отказывался отъ своего авторскаго имени, очевидно, потому, что рѣшился принести свои дарованія и познанія на алтарь Богу, ради славы имени Его... И скромность твоя, при твоей даровитости, тѣмъ симпатичнѣе и поучительнѣе...

Вотъ трудъ твой, которымъ ты не напрасно трудился, ибо дѣла твоего вѣрующаго духа „идутъ въ слѣдъ за тобою“ (Апокал. 14, 13) и, какъ непостыдная жертва твоей любви къ Богу, къ намъ и своему спасенію, найдутъ доступъ у престола нелицеприятнаго Судии и исходатайствуютъ тебѣ прощеніе твоихъ согрѣшеній. А твое изстрадавшееся тѣло съ любовію приметъ земля и бережно и нѣжно упокоитъ его, какъ мать покоитъ дитя въ своихъ объятіяхъ.

Да будетъ покой твой въ честь!

Вѣчная, вѣчная тебѣ память!

Рѣчь студента 4-го курса Н. И. Николина.

Дорогой и глубокочтимый
наставникъ!

Вотъ и вновь собираешь ты насъ вокругъ себя, такъ еще недавно покинутыхъ тобою, вновь какъ будто желаешь обратить слово свое къ намъ. Но, увы! не слышатся памятные звуки твоего голоса, сомкнулись уста, погасъ острый взглядъ очей, — и тѣсною толпою окружая твой гробъ, мы

въ молчаніи внимаемъ лишь скорбнымъ урокамъ тайнства смерти и безмолвно созерцаемъ лишь холодный отблескъ мыслей твоихъ на твоемъ открытомъ челѣ.—Какая скорбная печальная аудиторія, какъ горько отзывается въ сердцѣ это послѣднее появленіе твое предъ нами! Безконечная жалость невольно овладѣваетъ нами при мысли, что уже на вѣки приходится разлучаться съ тобою, что скоро и этотъ печальный, такъ и хватающій за душу похоронный напѣвъ отзвучитъ и замретъ надъ могилой твоею, и уже одни безъ тебя возвратимся мы въ домъ молитвы и жилища живыхъ. Какъ-то сразу осиротѣвшей кажется наша дружная академическая семья, такъ любовно относящаяся къ каждому своему сочлену, чувствуется, какъ что-то родное и близкое оторвалось отъ насъ, что перестало биться еще одно доброе и хорошее сердце. И тоскуетъ душа, и ноетъ сердце, и сжимается грудь при видѣ этого смертнаго ложа, а подъ сводами храма все льются и льются печальные, жалобные звуки,—„Госполи, упокой душу раба Твоего!“

Какъ живыя, встаютъ теперь въ памяти скромныя картинки недавняго прошлаго, мимолетные образы краткихъ и случайныхъ встрѣчъ, разговоровъ. Припомняется наша большая аудиторія, вся залитая лучами утренняго солнца. Звуки лаврскихъ колоколовъ, звонящихъ къ обѣднѣ, врываются въ комнату сквозь окна, а съ кафедры раздается скромная, увѣренная и спокойно-энергичная рѣчь почившаго наставника, заботливо отчеканивающаго всякое слово, не смотря на всю слабость своего голоса, порою какъ-бы поглощаемаго дыханіемъ. Какой серьезностью и вдумчивостью вѣетъ отъ его сосредоточенной фигуры, какая полная достоинства дѣловитость сквозитъ во всякомъ его движеніи, въ каждомъ звукѣ его голоса!—Его лекціи были первыми, какія мы начинали слушать въ Академіи, онъ первый знакомилъ насъ съ тѣмъ, какова эта еще невѣдомая намъ академическая наука,—и это впечатлѣніе строгой и серьезной дѣловитости, добросовѣстно внимательнаго и вдумчиваго отношенія къ предмету науки, отчасти нѣсколько отвлеченнаго, академическаго тона ея изложенія—всего прежде западало въ душу. Въ этихъ впечатлѣніяхъ впервые заражались въ насъ чувства любви къ академическимъ занятіямъ, уваженія къ серьезному труду и авторитету настав-

ника, первая симпатія къ наукѣ и преклоненіе не предъ однимъ только внѣшнимъ ея величіемъ,—и образъ труженника-профессора, всецѣло преданнаго своему долгу, невольно такимъ образомъ воспитывалъ насъ въ лучшихъ академическихъ традиціяхъ. — Сами по себѣ, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, характерныя чтенія кочившаго, какъ и его ученые статьи, заслуживали полнаго вниманія и высоко цѣнились тѣми, кто наиболѣе старательно знакомился съ ними. Онъ былъ рѣдкій знатокъ Библии и Священной Исторіи; какъ никто другой, онъ умѣлъ цѣнить эту сокровищницу знанія и обильной рукой черпалъ изъ нея уроки мудрости, такъ что слово Писанія изливалось съ устъ его, какъ медъ изъ переполненнаго сота. Не мертвой буквой, а словомъ, исполненнымъ духа и силы, являлось для него Писаніе,— словомъ, въ которомъ равно отразились и опыты, и наблюденія человѣчества за различные періоды его историческаго существованія, и вѣяніе Божественнаго Духа. И то, и другое одинаково было дорого почившему—съ одной стороны,—какъ историку, съ другой—какъ христіанскому мыслителю, призванному живописать пути Божьяго промысленія въ судьбахъ народовъ. Потребности вѣры и запросы и требованія науки, уваженіе къ авторитету Писанія и стремленіе къ трезвой научной критикѣ, свободному изслѣдованію такимъ образомъ прекрасно сочетались въ его многосторонней и отзывчивой натурѣ. Потому-то почившій никогда не боялся свободнаго мнѣнія, никогда не былъ рабомъ чужаго, всюду любилъ вносить въ изученіе предмета свой личный талантъ, собственный оригинальный взглядъ, нерѣдко поразительный и мѣткій, вездѣ оставлялъ слѣды собственнаго творчества и самостоятельной вдумчивости, которую такъ цѣнилъ и въ другихъ. Отсюда самый стиль его рѣчи получалъ особенную своеобразность; оригинальность мысли и построенія доказательствъ сквозила и въ самой фразѣ его—всегда закругленной и изящной, образной и выразительной, блестящей искрами остроумія и порой возвышающейся до настоящаго художческаго паеоса.

Но не одни слушатели и читатели ученыхъ произведеній покойнаго могутъ хвалиться тѣмъ, что имѣли удовольствіе знать его. Это былъ человѣкъ, который умѣлъ дать жизнь своей наукѣ и внѣ стѣнъ ученой аудиторіи, завое-

вать гораздо больше и болѣе полнаго вниманія на другомъ поприщѣ своей дѣятельности—дѣятельности церковно—или библейски-публицистической. Цѣлая гирлянда блестящихъ статей по разнообразнымъ вопросамъ современности, авторомъ по скромности никогда не подписанныхъ, но рѣзко выдававшихъ его своимъ своеобразнымъ стилемъ,—эта гирлянда—лучшее украшеніе въ надгробномъ вѣнкѣ почившаго, лучшій памятникъ его таланта и его любви къ родинѣ и народу. Глубокое знаніе Библии и здѣсь прежде всего привлекало вниманіе. Авторъ какъ будто въ кровь и плоть свою претворилъ все содержаніе книгъ священныхъ, какъ будто мыслилъ и чувствовалъ по библейски. Оттого-то его слово порою пріобрѣтало такую силу и мощь, его обличенія казались столь-же грозными, какъ пророческія рѣчи, и въ строкахъ его писавій оживали—какъ будто навсегда уже умолкнувшія чувства, пробуждались звуки давно угаснувшей и какъ будто совсѣмъ не слышной жизни древнихъ библейскихъ временъ. Каждое слово Писанія, каждая буква Библии вѣщали его чуткому сердцу свою собственную повѣсть,—какъ живыя, развертывались предъ нимъ страницы человѣческой исторіи, словно силою своей мысли вызывали онъ къ жизни давнее прошлое,—и это настолько изошрило его духовный взоръ, что и на событія современные онъ не могъ смотрѣть иначе, какъ только въ библейски-исторической, такъ сказать, перспективѣ въ сопоставленіи съ дорогимъ минувшимъ. И здѣсь, въ изученіи жизни современной, почившій слѣдилъ главнымъ образомъ за однимъ центральнымъ ея теченіемъ—борьбою царства свѣта и добра съ царствомъ тьмы и зла, борьбою, которая яркой нитью проходитъ чрезъ всю исторію, особенно библейскихъ временъ,—всюду старался отмѣчать одно наиболѣе общее стремленіе человѣчества—исканіе правды Божественной, то стремленіе къ идеаламъ и завѣтамъ добра въ его борьбѣ со зломъ и грѣхомъ, которое создаетъ и самую исторію. И какъ умѣло вскрывалъ онъ эту драматическую подкладку жизни обычной, какъ картинно освѣщалъ все самыя темныя ея закоулки; съ какою смѣлостью выступалъ онъ на путь обличенія и какъ сильно и неотразимо дѣйствовало слово его въ защиту уже забытыхъ почти идеаловъ нравственнаго совершенствованія и самопросвѣщенія! Нечего уже и говорить

о поразительно широкой отзывчивости покойнаго на современные событія, благодаря которой почти ни одно изъ крупныхъ явленій современности не прошло мимо его вниманія и нашло тотъ или иной откликъ въ душѣ его, ту или другую оцѣнку въ его статьяхъ. И сколько свѣтлаго, гуманнаго, хорошаго сказано было имъ здѣсь, какъ много глубокихъ и мѣткихъ мыслей, прекрасныхъ убѣжденій и высокихъ чувствъ разсѣяно имъ щедрой рукою, какъ прекрасно отразился здѣсь нравственный обликъ почившаго библеиста!

Достоцитимый наставникъ! Твой образъ и сейчасъ какъ будто стоитъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ, какъ бы живая, смотритъ на насъ твоя свѣтлая личность. Сколько было скрыто здѣсь цѣнныхъ сокровищъ духа! Глубокій и острый умъ, сила убѣжденья, крѣпкая воля, кристалльная чистота сердца не знавшаго лукавства и мести—были отличительными чертами твоего характера, воспитавшими въ тебѣ и прямоту воззрѣній, и необыкновенную нравственную цѣльность. Съ этой своей прямою, со строгостью своихъ нравственныхъ правилъ ты, правда, казался какъ бы суровымъ, слишкомъ строгимъ и сухо требовательнымъ, но не былъ такимъ на самомъ дѣлѣ. Подъ покровомъ внѣшней суровости въ тебѣ таилась и мягкость сердечная, и самая теплая гуманность, умѣвшая дѣлать снисходительными и самыя требованія справедливости и безпристрастія. Суровъ и требователенъ ты былъ лишь въ отношеніи къ самому себѣ, и твоя рѣдкая исполнительность—лучшее свидѣтельство тому. Не менѣе же замѣчательна была твоя послѣдовательность во всемъ, непреклонность и цѣльность твоихъ убѣжденій. Ты никогда не допускалъ какого-либо измѣненія своихъ коренныхъ воззрѣній, никогда не былъ доступенъ какимъ-либо компромиссамъ и колебаніямъ и, какъ гранитная скала, возвышался среди столь обычнаго шатавія современной общественной мысли. Эта безусловная твоя честность и нелицемѣрная добросовѣстность сообщала всей твоей личности какой-то особенный рыцарски-благородный характеръ, твоимъ намѣреніямъ—чистоту, твоимъ правиламъ и дѣйствіямъ—твердость, убѣжденность и стойкую прямоту,—и не мудрено, что всѣ эти качества снискали тебѣ особенное уваженіе и полную довѣрчивость,—награду, которая выше всякой популярности. Да ты и не искалъ послѣдней.

Скромность особенно была присуща твоему сердцу, и въ жертву этой цѣломудренной скромности ты приносишь свое имя и ученаго профессора и блестящаго публициста. Не славы человѣческой, а угожденія Богу и пользы дѣлу искалъ ты въ своей дѣятельности, и ничего выше не было для тебя въ жизни, какъ строгое исполненіе своего святаго долга. Чувство нравственной отвѣтственности за свое великое служеніе никогда не давало покоя твоему бѣдному сердцу, съ одной мыслью о своихъ великихъ обязанностяхъ ты безмолвно труженически переносилъ всѣ болѣзни и подвиги, какіе возлагало на тебя призваніе, напрягалъ всѣ свои силы и все усердіе и, сходя въ могилу, какъ бы завѣщалъ намъ этотъ образецъ самой искренней и нелицомѣрной преданности долгу. И хотя бы слово ропота или укорины сорвалось съ твоихъ устъ при исполненіи этого долга, хотя бы одинъ упрекъ вырвался изъ твоего сердца и этотъ тяжелый губительный недугъ, заключившій твою дѣятельность!—Съ ранняго утра ты вышелъ на дѣлапіе свое, въ скорби и терпѣніи безъ устали трудился ты, но дневной трудъ, зной печали и разочарованій, горечь утратъ и потерь надломили, истощили твои силы, истомили тебя даже до смертной болѣзни,—и какъ жаль, безконечно жаль, что дни твои закатились такъ рано, что такъ скоро настала вечеръ твоей жизни. Намъ остается утѣшаться только тѣмъ, что этотъ вечеръ былъ и тихъ, и ясенъ, и миренъ, что самый призракъ смерти не могъ нарушить покоя души, съ улыбкой прощавшейся съ жизнью, что сладкое сознание честно исполненнаго долга должно было высокой радостью наполнить твое многострадальное сердце подвижника на одрѣ смерти, и съ умирной совѣстью и надеждой на вѣчный покой сошелъ ты въ могилу. Пусть-же яркимъ свѣтомъ заблеститъ для тебя день твоей новой радостной жизни, почившій наставникъ, пусть, какъ солнце, просіяютъ твои добродѣтели, и милость Божія почіетъ надъ главою твоею, пусть и для тебя какъ въ тотъ великій день суда, такъ и теперь, раздастся блаженный голосъ Отца—, рабе благій и вѣрный! вниди въ радость Господа твоего!“

Рѣчь студента 3-го курса Д. И. Введенскаго.

Глубокоцитимый нашъ наставникъ!...

Но нѣтъ знакомаго отвѣта на привычный призывъ!... Путь странствованія твоего, на которомъ раздавался то ободряющій, то наставляющій голосъ твой, совершенъ... Время испытаній, съ которыми сроднила тебя многострадальная жизнь, миновало... Борьба со страданіями прекращена... Ты замолкъ на вѣки!

Позволь же, если ты не говоришь, намъ сказать тебѣ о себѣ—о своихъ благодарныхъ чувствахъ, о которыхъ, вѣрь, заявляетъ послушный единому желанію своихъ соотечественниковъ, одинъ изъ многихъ слушателей—твоихъ почитателей... И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли обойти молчаніемъ жизнь не безцѣльно прожитую! Можно-ли оставлять нераскрытою замкнутость души, когда чувство признательности настойчиво требуетъ своего заявленія! И ты, незабвенный наставникъ, вызвалъ это чувство въ сердцахъ твоихъ бывшихъ слушателей, которые умѣютъ цѣнить серьезность мысли и твердость убѣжденій. Если о комъ, то о тебѣ можно сказать, не лицемеря, что ты, во исполненіе слова Божія *испытывалъ писанія* (Іоан. 5, 39), ибо въ этомъ главномъ образомъ была твоя *задача* и, испытывая его, *добраго держался* (1 Сол. 5, 21), ибо такъ Ты *понималъ свою задачу*. Ты не былъ *младенцемъ*, колеблемымъ всякимъ *вѣтромъ ученія* (Ефес. 4, 14). Нѣтъ, ты былъ *мужемъ мудрымъ*, который и при близкомъ знакомствѣ съ современными направленіями мятущейся и нерѣдко уклоняющейся съ истиннаго пути мысли, сумѣлъ сохранить цѣльность своего христіанскаго міровоззрѣнія, такъ цѣннаго въ нашъ вѣкъ тревожныхъ мыслей и гнетущихъ душу сомнѣній. Вотъ этотъ-то поучительный образъ *серьзнаго, но неподкупно честнаго труженика* на нивѣ высшаго богословскаго просвѣщенія и вызываетъ слово благодарности въ тѣхъ, кои охотно внимаютъ голосу *убѣжденнаго челоуька*. повѣряя съ нимъ свои мысли и чувства...

Но если мы оставимъ храмъ науки—разсадникъ духовнаго просвѣщенія и перенесемъ мыслію въ еще болѣе широкой храмъ жизни, то и здѣсь, по скольку намъ нужно не только *знаніе* и *мысль*, но и *жизнь*, то и здѣсь, говоримъ, ты

не оставилъ насъ безъ своего назиданія! И здѣсь ты являешься нашимъ общимъ наставникомъ! Мы не скажемъ, что твоя жизнь за послѣднiе годы боролась со смертію какъ съ нежеланнымъ врагомъ.. Нѣтъ и вѣтъ! Ты, какъ истинный христіанинъ, не жилъ для *одной только жизни*... Ты не отказывался отъ смерти во имя благъ жизни.. Ты не боролся со смертію, отстаивая права на жизнь... Борется со смертію, какъ съ недругомъ, тотъ, кто мало страдаетъ въ жизни. Но ты *страдалъ*, много страдалъ и, страдая, ждалъ смерти какъ добраго друга.. Ты зналъ бесполезность борьбы съ медленно, но неуклонно приближающеюся смертію, поэтому ты и не боролся съ нею.. Но ты зналъ, что не тщетна христіанская борьба со страданіями— и ты велъ эту борьбу, велъ какъ можетъ вести ее человекъ, убѣжденный въ измѣнчивости бытія: ты страдалъ не презирая или избѣгая страданій, но *побѣждая* ихъ, *возвышаясь* надъ ними. Вотъ еще новый урокъ, который оставилъ ты, незабвенный наставникъ, своимъ почитателямъ...

Нужно-ли говорить болѣе.. Добродѣтель едвали нуждается въ цвѣтистыхъ похвалахъ. Гдѣ дѣла, тамъ излишне слово; гдѣ очевидный примѣръ, тамъ нѣтъ нужды въ разъясненіи; *гдѣ жизнь по истиннѣ во имя вѣры озъ безсмертіе*. тамъ остается только возвѣстить эту христіанскую вѣру въ спасительную истину...

На гробницахъ первохристіанъ перѣдки надписи: „онъ умеръ для того, чтобы жить“, „онъ не умеръ, но живъ“... И о тебѣ, глубокочтимый наставникъ, можно сказать, что *ты умеръ для того чтобы жить*—ты не умеръ, но живъ, ибо ты всегда лелѣялъ надежду на эту новую жизнь и она—эта надежда, какъ ангель, осбѣняетъ теперь твой прахъ и указываетъ тебѣ путь на небо.... Види-же, душе, въ покой твой...

Аминь.

Рѣчь студента 3-го курса И. А. Сахарова.

Дорогой и незабвенный наставникъ!

Длинный рядъ рѣчей, произнесенныхъ у твоего гроба, начался привѣтствіемъ отъ родной тебѣ семинаріи. Позволь

мнѣ въ эту печально-торжественную минуту послѣдняго прощанія съ тобою сказать тебѣ еще краткое слово отъ лица твоей родины, которую ты всегда пѣжно любилъ и охотно навѣщалъ и съ которою чрезъ нѣсколько мгновений ты будешь разлученъ навѣки.

Печальная вѣсть о твоей кончинѣ будетъ встрѣчена на твоей родинѣ съ глубокою и непритворною горестію всѣми, кто имѣлъ счастье знать тебя лично. Соединяя въ себѣ съ высокими душевными качествами хорошее воспитаніе и всегда присущее тебѣ чувство деликатности, ты еще будучи воспитанникомъ семинаріи, сумѣлъ внушить своимъ товарищамъ и знакомымъ чувство прочной любви къ себѣ и глубокаго уваженія. Знавшіе тебя по семинаріи отзываются о тебѣ какъ о человѣкѣ рѣдкой душевной доброты, выдающемся по своимъ способностямъ, отзывчивомъ на всякое доброе дѣло, всегда готовомъ на товарищескую услугу. Не даромъ твои товарищи по семинаріи до сихъ поръ хранятъ о тебѣ благодарную память. Намъ, твоимъ землякамъ, по возвращеніи изъ Академіи на каникулы, перѣдко приходилось слышать дома вопросы твоихъ многочисленныхъ почитателей о томъ, „какъ поживаешь ты, что дѣлаешь?“ Неудивительно поэтому, что извѣстіе о твоей опасной и трудно излѣчимой болѣзни всѣми знавшими тебя было встрѣчено съ искреннимъ и единодушнымъ сожалѣніемъ...

Еще на семинарской скамьѣ со словъ твоихъ почитателей и учениковъ, мы научились уважать въ тебѣ талантливаго профессора и прекраснаго человѣка. Наше личное знакомство съ тобою лишь укрѣпило насъ въ этомъ мнѣніи. По счастливой случайности первая лекція, выслушанная нами въ Академіи, была прочитана Андреемъ Петровичемъ. Живо припоминаю тотъ интересъ, съ какимъ мы приготовились слушать вошедшаго въ аудиторію профессора. Помню и впечатлѣніе отъ первой лекціи: насъ пріятно удивили въ ней оригинальность плана, остроумное названіе Моисея „нянкою“ еврейскаго народа и неожиданное для насъ поставленіе событій изъ исторіи богонзбраннаго народа въ связь съ современными событіями въ жизни евреевъ. Такимъ образомъ одно изъ первыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній нашей студенческой жизни неразрывно связано съ твоей личностію, дорогой наставникъ.

Въ годъ нашего поступленія въ Академію почившій уже страдалъ сильными приступами болѣзни, сведшей его въ могилу. Объ этомъ свидѣтельствовали и нездоровый видъ его серьезно-вдумчиваго лица и видимое усиліе, съ какимъ онъ иногда выговаривалъ фразы. Но неутомимый труженикъ и неуклонный исполнитель дѣла, покойный профессоръ жертвовалъ для студентовъ своимъ здоровьемъ: въ теченіе всего учебнаго года онъ аккуратно читалъ намъ свои талантливыя и глубоко-интересныя лекціи, съ обычнымъ вниманіемъ просматривалъ наши письменныя работы и присутствовалъ на нашемъ переходномъ экзаменѣ по библейской исторіи. Могъ ли кто изъ насъ тогда думать, что это послѣдній экзаменъ въ твоей жизни и что чрезъ полтора года любимый нами профессоръ, въ полномъ разцвѣтѣ своихъ богатыхъ духовныхъ дарованій, сойдетъ въ могилу?!

Снискавъ себѣ любовь и уваженіе на родинѣ, какъ прекрасный человѣкъ и образцовый товарищъ, покойный профессоръ внушалъ точно такія же чувства и своимъ многочисленнымъ слушателямъ въ качествѣ преподавателя Академіи. И думается, что святая память о немъ долго будетъ жить какъ на его родинѣ, такъ и въ стѣнахъ нашей дорогой alma mater, на служеніе которой онъ отдалъ свои лучшія силы и свое небогатое здоровье... Прими же отъ насъ нашъ послѣдній привѣтъ тебѣ, дорогой и незабвенный наставникъ!.. Пусть твой свѣтлый образъ всегда хранится въ нашихъ сердцахъ, поддерживая въ насъ благородство нравственныхъ стремленій, возбуждая любовь къ труду и вызывая готовность, подобно тебѣ, честно и благородно служить тому дѣлу, къ которому каждый изъ насъ будетъ призванъ въ жизни.
